

Жизнь в семье наконец-то наладилась. Ли Сы, хоть и понятия не имел, чем именно его сын промышляет на стороне, верил его словам: Гоудань сказал, что за эти годы почти полностью рассчитался с долгами перед благодетелем. Теперь всё, что удастся заработать, пойдёт в собственный карман.

Последние несколько лет Ли Сы исправно гнул спину на земле, выращивая зерно. На еду хватало, но о каких-то деньгах и речи не было — впрочем, так жили все вокруг. В семьях, где не хватало рабочих рук или водились лентяи, люди и вовсе голодали. В деревне живую копейку заработать было просто негде.

Ли Сы порывался было податься с мужиками на отхожий промысел, подработать где придется, но сын встал насмерть — не пустил.

С тех пор как Гоудань взял всё в свои руки, они каждый день ели досыта, да не жидкую кашу, а настоящий белый рис высокого качества. Стоило домашним запасам подойти к концу, как сын откуда-то притаскивал целые мешки отборного зерна. Откуда оно бралось — бог весть, у Ли Сы от одной мысли сердце замирало от страха, но глупо отрицать: по части сытости их дом теперь обставил всю деревню.

Ли Сы изо всех сил старался быть хорошим отцом, но долги за учебу Гоудань в итоге выплатил сам, своим трудом. От этого на душе у старика скребли кошки — чувствовал себя виноватым перед единственным сыном. С одной стороны, новость о том, что долгов больше нет, сбросила с плеч огромную гору, но с другой — от нынешней благополучной жизни ему становилось как-то не по себе.

К зиме сын справил ему теплую одежду, новые добротные сапоги и пышное ватное одеяло — о таком прежде и мечтать не смели. Ли Сы обновки берег, жалел марать: пусть лучше лежат, потом сыну пригодятся. Сам-то он человек неприхотливый, привык к грубому платью — лишь бы не замерзнуть насмерть, и то ладно. Куда уж больше желать? Но Гоудань и слушать ничего не желал. Он самолично открыл сундук, вытащил аккуратно сложенные вещи и строго выговорил отцу: «Смотри, это же шито прямо по твоей мерке. Не станешь носить — пропадет добро, мне-то одежда велика будет».

Пришлось надеть. Теплынь — не описать словами! Вот только на душе всё равно было неловко: принимаясь за колку дров или какую другую грязную работу, Ли Сы так и дрожал над каждым швом, боясь порвать или испачкать дорогую ткань.

Заметив это, сын сам переколол все дрова до единого полешка, купил два огромных глиняных чана и перед отъездом наполнил их водой до самых краев. Деревенские в один голос твердили, что Ли Сы на старости лет устроился за сыновней спиной как у Христа за пазухой. Так оно и было. Отца распирало от тихой гордости: то, что Гоудань выбился в люди — великое благословение. Прежде соседи косились на него с презрением — мол, никчемный мужик, от которого даже баба сбежала, а теперь при встрече вежливо кивают, первыми заговаривают. Мир перевернулся так круто, что старик уже ничего в нем не понимал.

Сын, конечно, твердил, что отцу пора бы уже и отдохнуть от тяжелых трудов, да только Ли Сы и пятидесяти еще не исполнилось — с чего бы вдруг разлеживаться барином? Вон, старики куда дряхлее его с утра до ночи в поле спину гнут, лишь бы брюхо набить. Впрочем, компромисс они нашли: на время страды теперь нанимали людей, а Ли Сы лишь приглядывал за пашней — вовремя ли прополото, пущена ли вода, внесены ли удобрения. Всё остальное время он возился по хозяйству, разводил кур да уток. Гоудань как-то обмолвился, что любит вареные яйца и соленые утиные желтки, вот отец и копил их целыми корзинами.

Сытная еда, теплая одежда и то, что сын полностью взял на себя заботы о доме, сотворили чудо: Ли Сы на старости лет начал округляться. В деревне, где изнуренные многолетним трудом старики походили на иссохшие черные ветки, он теперь сильно выделялся. Ли Сы не просто поправился — он будто помолодел, морщины на лице разгладились, а сам он всегда ходил чистым и опрятным. Неудивительно, что в последнее время свахи зачастили к его порогу, предлагая то вдовушку, то разведенную. И пусть Гоудань терпеть не мог хвастовства, предпочитая наживать добро без лишнего шума, сытую жизнь в мешке не утаишь — зоркий глаз соседа сразу всё приметит.

Сам отец никудышный, зато сын — золото! И пусть мачеха с пасынком редко ладят, но если Ли Сы встанет на сторону новой жены, разве сын бросит родного отца? Да и случись у них новые дети, Ли Кай как старший брат не сможет оставить их без куска хлеба. Вот кумушки и повадились останавливать Ли Сы на улице, намекая то так, то эдак: мол, пора бы уже хозяйку в дом привести. Баба под боком — и постель согреет, и от одиночества спасет.

На счастье, Ли Сы хоть и был простоватым мужиком, но в единственном сыне души не чаял. Мальчик только-только вздохнул свободно, наладил жизнь — зачем же тащить в дом чужую бабу? Это же нож в спину ребенку! Мало того что лишняя обуза на сыновние плечи ляжет, так еще и в доме начнется вечный раздор.

Да и к тому же столько лет прожили вдвоем, к чему теперь привычки менять? Без бабы обходился — и дальше обойдется, чай, не молодой уже, перетопчется как-нибудь. Сына-то вон один поднял, хоть и спотыкался на каждом шагу. Когда Гоудань был маленьким и ему нужна была мать, чтобы и приглядеть, и приголубить, все девки нос воротили — брезговали нищетой да его собственной никчемностью.

А теперь — поздно метаться, нечего и затевать.

И вот этот безвольный, тихий Ли Сы, который смолodu заглядывал в рот властной матери, а вырастив сына, привык во всем полагаться на его решения, проявил невиданное упрямство. Он отказывал свахам наотрез. Кое-кто из ушлых соседей пытался зайти с тыла, через старую госпожу Ли, но даже перед ее авторитетом Ли Сы устоял, оставшись глух к уговорам.

Старая госпожа Ли, хоть и сдавала годами, бодрости духа не теряла. Язык ее становился лишь острее: она без устали воевала то со снохами, то с невестками внуков. Ли Кай про себя посмеивался, полагая, что именно эта вечная грызня держит старуху на этом свете — борьба давала ей силы жить. На ее фоне покойный дед, старик Ли, казался совсем незаметным. Прошлым летом он тихо угас, завершив свой земной путь так же неприметно, как и жил. При

жизни слова из него не вытянешь, и ушел он без лишнего шума — разве что поминальная петарда грохнула над могилой, нарушив деревенский покой. После похорон его жизнь растворилась в прошлом, точно круги на воде. И всё же след он оставил — продолжение рода, детей и внуков.

Дома воцарился относительный покой, да и у Ли Кая дела спорились: и в учебе успевал, и торговля шла в гору.

Они перешли в третий, выпускной класс. Вышло так, что прежнюю двухлетнюю программу старшей школы министерским указом продлили еще на год, и класс Ли Кая как раз попал под эту реформу. Родители и ученики взвыли: лишний год за партой — это же новые расходы на обучение! Учителя, как могли, успокаивали встревоженную толпу: мол, зато за этот дополнительный год вы заложите прочный фундамент знаний и пойдете на экзамены с легким сердцем.

Вот только помалкивали о том, что правила изменились для всей страны. Разве у их конкурентов в других провинциях времени на подготовку стало меньше?

— После праздников мне стукнет девятнадцать, — рассуждал Ли Кай. — К моменту сдачи экзаменов будет уже девятнадцать с половиной. В университет поступлю без пяти минут двадцатилетним. А тебе тогда едва исполнится восемнадцать. Придется еще целый год терпеть своих наставников.

Сам Ли Кай пошел в школу с опозданием, так что к выпуску его возраст по нынешним меркам был вполне обычным.

Они лежали под одним ватным одеялом, уткнувшись в учебники. Стояла лютая стужа, и даже жарко натопленная угольными брикетами печурка едва справлялась с холодом. В комнате царила сонная тишина, нарушаемая лишь глухими отголосками с улицы — обычными будничными звуками жилого пригорода. Этот домик они сняли с большим трудом. До школы, правда, было далековато, но на велосипедах за полчаса добраться можно. Места в общежитии за ними по-прежнему числились, но на выходные они почти всегда уезжали сюда. К тому же просторный двор служил отличной перевалочной базой для хранения и сортировки товара.

Окраина уезда, самый край цивилизации. Сразу за забором тянулись бескрайние крестьянские поля и огороды — глушь несусветная. Зато места хватало с избытком: просторный двор окружала высокая стена, а за ней прятались три скромные, издавшие виды глиняные мазанки под черепичными крышами. Хозяева следили за жильем, но старость постройки скрыть было трудно.

Прошлым летом Ван Сюань засеял клочок земли во дворе овощами, так что теперь у них всегда было чем разнообразить скудный рацион, и об этом тайном гнездышке никто в округе не знал. Соседские дома стояли не в пример городским — свободно, в десятках, а то и сотнях метров друг от друга, затерянные среди пашен. Настоящая деревня, как ни крути. Местные жители спозаранку копошились в земле. Один из соседей вырыл небольшой пруд и разводил уток,

другой — держал отару овец. Летом ветер то и дело доносил оттуда густой скотный дух, но ребята давно привыкли к подобным ароматам.

Дома, в Сикане, Ли Кай потратил немало сил и денег, чтобы купить отцу молодого рыжего бычка. Животное уже приучили к плугу, и Ли Сы буквально сдувал с него пылинки. Собственная скотина в крестьянском дворе — невиданная роскошь по нынешним временам. Отец привязывал бычка прямо посреди двора, из-за чего воздух постоянно был пропитан тяжелым запахом навоза. Ли Сы честно выгребал кучи и складывал их в компост, но дух всё равно стоял крепкий. Сколько сын ни ворчал, старик упрямо твердил одно: если оставить скотину за оградой, уведут ведь, лиходеи, не ровен час!

И впрямь, в окрестных деревнях то и дело поговаривали о кражах скота. Лишиться вола для крестьянина — всё равно что пережить конец света. Мало того что терялась большая часть семейного достояния, так еще и в разгар весенней пахоты без тягловой силы остаться — верная погибель.

Так что к навозному духу Ли Кай и Ван Сюань относились философски. Впрочем, овечий помет вонял куда резче коровьего. Трудно даже представить, какая атмосфера царила в доме того соседа, если от его мальчишки-пастуха за версту несло бараниной — никакой баней не отмоешь. Паренек, черный от загара и грязи, сверкал только шустрыми глазами. Всякий раз, видя, как тот бродит по обочине с голым торсом, перегоняя овец, Ли Кай притормаживал, чтобы перекинуться парой слов и угостить малого чем-нибудь вкусным. За конфету или сушку пастушок ластился к нему, точно верный щенок.

Он так же, как черноглазая пичуга Сянсян, так и вился вокруг, без конца лопоча: «Братец то, братец сё». Ли Кай иногда качал головой, дивясь простодушию ребенка: ну до чего послушный и доверчивый малый! За горсть конфет готов душу продать. Ван Сюань, впрочем, быстро спустил его с небес на землю:

— Думаешь, его родители совсем без ума? Прекрасно они знают, кто ты такой. Видят, что живешь по соседству, учишься в Уездной средней школе, вреда от тебя не дождеешься, да еще и ребенка подкармливаешь. Не будь ты местным учеником, к тебе бы и близко никто не подошел.

Зимой же роза ветров сменилась, да и пушистый снег надежно укрыл землю, так что навозный дух почти не тревожил их обоняние.

Если не считать изнурительных поездок на велосипедах против ледяного ветра, этот домик был в сто крат лучше школьного общежития, где зимой зуб на зуб не попадал. Здесь они могли вволю жечь уголь. В железной печурке весело гудело пламя, а на конфорке томился чугунок с бараниной, исходивший умопомрачительным ароматом. Эту тяжелую старую печь они притащили сюда своими силами.

— Давай, шевелись, скоро обедать будем, — Ван Сюань выбрался из-под теплого одеяла. На нем было плотное трикотажное белье, поверх которого он быстро натянул брюки и куртку. Он

потянул за край одеяла, не позволяя Ли Каю и дальше валяться с книжкой.

— Погоди минуту, дай задачу дорешать, — отозвался тот, лихорадочно строча в тетради. — Ну и муть! Черт бы побрал эти формулы. Не верю, что на экзаменах подсунут такую дичь.

Школьные учителя обычно не усложняли жизнь выпускникам, подбирая для подготовки типовые, довольно простые задания.

Да только ребята целились на столичные вузы, где предстояло соревноваться с лучшими умами со всей страны. Быть первыми парнями на деревне — одно, а вот войдешь ли ты хотя бы в сотню лучших по стране — совсем другой вопрос. Поэтому, помимо стандартной школьной программы, они правдами и неправдами доставали олимпиадные сборники с зубодробительными задачами, от которых голова шла кругом, а волосы на макушке готовы были встать дыбом.

Бубня себе под нос проклятия, Ли Кай ожесточенно чертил схемы на клочке черновика.

Несмотря на внушительный рост, парень так забавно елозил под одеялом, что походил на гигантскую гусеницу. Ван Сюань сделал быструю гимнастику для глаз, потер озябшие ладони и перешел в соседнюю комнатку, приспособленную под кухню. Там, у холодной стены, он приподнял плотную циновку из соломы, укрывавшую их запасы: стройные ряды пекинской капусты, сочные белые редьки, головки лука, чеснок и корни имбиря.

Приходилось изощряться, чтобы овощи не побил мороз. Конечно, куда проще было бы спрятать припасы в их драгоценное Сокровище, но ребята давно завели негласное правило: без крайней нужды пространственным карманом не пользоваться. Старая солома справлялась не хуже. Пусть Сокровище гарантировало идеальную свежесть и избавляло от хлопот, превращать его в обычный погреб было глупо и опасно. Даже для перевозки грузов, чем они вовсе баловались в детстве, они теперь прибегали к помощи магии лишь в самых исключительных случаях.

<http://bllate.org/book/19654/1996775>